

О мѣрѣ среди церкви въ связи съ вопросомъ о происхожденіи орлеца ¹⁾.

Присутствуя за архіерейскою службой, какъ-то невольно и чуть ли не прежде всего въ сонмѣ священнослужащихъ замѣчаешь самага маленькаго по положенію и въ большинствѣ случаевъ таковаго же ростомъ человѣка съ жезломъ въ одной рукѣ и небольшимъ круглымъ коврикомъ въ другой. Насколько общепонятно значеніе и ясно происхожденіе пастырскаго посоха, настолько же мало извѣстенъ смыслъ и уже совсѣмъ темна исторія такъ называемаго у насъ теперь орлеца, на которомъ тѣмъ или инымъ способомъ изображается городъ или, лучше сказать, кремль съ его башнями и забралами, а надъ нимъ парящій орелъ съ сіяніемъ вокругъ головы. Въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ названныя подробности въ этой богослужебной принадлежности, и откуда вся она можетъ вести свое начало? Съ Симеона Солунскаго, сколько знаемъ, въ изображеніи на орлецѣ города толкователи видѣли и видятъ указаніе на епископію іерарха, въ подобіи орла—знакъ возвышенности богословія и вообще ученія его, а въ лучистомъ сіяніи усматриваютъ намекъ на благодатный для пасомыхъ свѣтъ отъ ученія епископскаго ²⁾.

¹⁾ Рефератъ, предложенный съ сокращеніями 19 августа 1902 года въ засѣданіи секціи церковныхъ древностей XII археологическаго съезда въ г. Харьковѣ.

²⁾ „Избранный во епископа, прошедши три рѣки, начертанныя на полу мѣломъ и означающія даръ учительства, къ которому онъ призванъ, останавливается надъ городомъ, также начертаннымъ и означающимъ его епископію; а на верху города подобнымъ же образомъ начертывается

Словъ нѣтъ, что въ этомъ символическомъ объясненіи, отъ правляющемся отъ представленія орла при евангелистѣ Іоаннѣ Богословѣ, не мало поучительнаго и прежде всего для тѣхъ, которые становятся на орлець, но имъ могутъ неудовлетвориться лица, интересующіяся прошлымъ церковнаго обряда и каждой мелочью въ его обстановкѣ.

Наблюдая за употребленіемъ орлеца, постиланіемъ его у насъ чаще всего среди самой церкви, соли и предъ святымъ престоломъ, не разъ я смутно спрашивалъ себя: не стоитъ ли этотъ церковный предметъ, помимо своего прямого назначенія, какъ и всякій коверъ, въ какомъ либо другомъ отношеніи къ устройству и украшенію названныхъ частей храмоваго помоста? Въ полахъ нашихъ старыхъ и новѣйшихъ церквей намъ не приходилось видать чего-либо такого, что очень близко напоминало бы собою архіерейскій орлець. Но нельзя сказать того же про современные греческіе и отчасти юго-славянскіе храмы. Въ однихъ изъ нихъ, по словамъ очевидцевъ ¹⁾, красуется теперь среди пола мозаикой исполненная *звѣздообразная* фигура (напримѣръ: въ соборахъ св. Фотиніи въ Смирнѣ и св. Аѳанасія въ Магнезій); въ другихъ *сердцевидная* (ц. св. Георгія на Имвросѣ); въ третьихъ или, точнѣе сказать, въ большей части ихъ въ срединѣ церковнаго помоста, иногда впрочемъ нѣсколько ближе къ олтарю, иногда, наоборотъ, къ западнымъ дверямъ, вставленъ большой кругъ или овалъ, отличающійся своимъ видомъ, цвѣтомъ, а иногда и цѣльнымъ символическимъ изображеніемъ отъ прилежащихъ къ нему частей или даже отъ всего пола ²⁾. Въ Аѳонскихъ храмахъ „подъ самымъ

орель, означущій чистоту, православіе и высоту богословія, что изображаютъ и при сынѣ громовомъ Іоаннѣ Богословѣ, ученикѣ, дѣвственникѣ и наперникѣ (Христовомъ). Посему орель имѣетъ и сіяніе, какъ означущій богословіе и благодать. Итакъ, ставши надъ городомъ, онъ произноситъ исповданіе свое... По совершеніи сего, онъ восходитъ на орла. т. е. (символъ) богословія и высоты ученія“. *Симеона Солунскаго De sacris ordinationibus у Мина Patrolog. ser. gr. t. 155, col. 408 — 409*; русск. перев. въ Писаніяхъ св. отцевъ и учителей церкви, отвоящ. къ столков. правосл. богослуженія, т. II стр. 256—257; см. преев. *Вснѣлика* Новую Скрижаль, ч. III гл. 6, § 4, стр. 296, изд. 15. СПб. 1891 г.

¹⁾ *Μεσολωρα, Ἐγγεγραμμένον Ἀποστολικῆς τῆς ὀρθοδόξου ἀνατολικῆς ἐκκλησίας, σ. 23. Ἐν Ἀθῆναις. 1895.*

²⁾ *Проф. Голубинскій Е. Е., Ист. Р. Ц. I, 2 стрр. 204—205.*

хоросомъ“, нашимъ паникадиломъ, „противъ царскихъ вратъ сѣрымъ мраморомъ по бѣлому выложены на полу два четырехугольника, одинъ въ другой вложенные. Между ними на каждой сторонѣ имѣется по три круга: въ срединѣ одинъ и два по угламъ. Такой же кругъ имѣется въ центрѣ четырехугольниковъ“ ¹⁾. Этотъ разноцвѣтный кругъ, современными греками разно называемый, не отличіе или особенность въ устройствѣ пола ихъ нынѣшнихъ церквей, а вѣрнѣе интересный, хотя видомъ иногда и жалкій остатокъ отъ былого великолѣпія внутренняго убранства древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ.

Не лишнее припомнить здѣсь, что искусство покрывать внутренность помѣщеній: плафоны, стѣны и особенно помосты цвѣтнымъ камнемъ, примѣрно, мраморомъ или мозаикой, достигшее высокой степени совершенства въ частномъ и общественномъ быту языческаго міра ²⁾, нашло себѣ и у христіанъ широкое примѣненіе и чуть ли не прежде всего въ украшеніи половъ ихъ религіозныхъ и гражданскихъ построекъ. Точно воспроизведенная въ первой христіанской залѣ московскаго Историческаго музея мозаика пола изъ римской усыпальницы св. Елены ³⁾ есть только одинъ изъ наилучшихъ по исполненію и сохранности образцовъ половъ этого рода, найденныхъ въ частныхъ домахъ, мѣстахъ погребенія, крещальняхъ и базиликахъ въ разныхъ концахъ тогдашняго христіанскаго міра ⁴⁾. Естественно, что центръ

¹⁾ Дмитриевскій А., Современное богослуж. на правосл. востокѣ, I. 102.

²⁾ По недостатку лѣса и при обиліи камня и кирпичной глины въ южныхъ странахъ, полы были чаще каменные, чѣмъ деревянные, сложенные изъ большихъ одноцвѣтныхъ плитъ (*litostrotion*, *pavimentum sectile*) или составленные изъ мелкихъ мраморныхъ и терракотовыхъ кубиковъ (*pavimenta crustata*). На полахъ нерѣдко мозаикой изображали узоры, арабески и цѣлыя, иногда весьма сложныя картины. Уже книга Эсэрь (I, 7) упоминаетъ о „*полостъ камне смарагдова и Пининска и Паринска мрамора*“ во дворѣ дома Артаксеркса въ Сузахъ. Евангел. Іоаннъ повѣствуетъ (XIX, 13), что Пилать „изведе вонъ Іисуса и съде на судици, на мѣстѣ глаголемѣмъ *литостротонъ*...“ Краткія рѣчи о такого рода полахъ у Римлянъ въ книгѣ *Классоваго*: Помпея и открытыя въ ней древности, стр. 193—194. 196. 224—225. 314. СПб. 1856.

³⁾ Прекрасный рисунокъ ея у Perret, *Les Catacombes de Rome*, vol. II, pl. LXIV.

⁴⁾ Общія свѣдѣнія объ этомъ съ указаніемъ литературы вопроса у Schultze въ *Archäologie d. Altchristl. Kunst*, ss. 66—68. 197—201. München

и другіе видныя пункты въ подобныхъ мозаическихъ полахъ и такъ называемыхъ *моостротонахъ* сосредоточивали на себѣ преимущественное вниманіе строителя и были отличаемы имъ болѣе или менѣе сложнымъ по формѣ и замысловатымъ по содержанію рисункомъ, или особаго вида и цвѣта плитой. Круглыя большіе порфіровыя камни чрезъ извѣстныя промежутки одинъ отъ другого были вдѣланы по срединѣ помоста изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ древней Ватиканской базилики св. Петра ¹⁾. Превосходный мозаическій полъ съ рядомъ *круглыхъ мраморныхъ плитъ по срединѣ главнаго нефа* въ Римской базиликѣ св. Климента ²⁾, сохранившейся до сихъ поръ нѣкоторыя изъ особенностей внутренняго устройства древне-христіанскихъ храмовъ, можетъ дать наглядное представленіе о помостахъ послѣднихъ. Были эти круглыя, квадратныя, ромбоидальныя мраморныя камни въ полахъ и другихъ церквей Рима, Равенны ³⁾ и прочихъ городовъ на Западѣ. Знали о нихъ и имѣли ихъ еще въ большемъ числѣ у себя Византіицы. По крайней мѣрѣ придворный Обрядникъ въ описаніи царскихъ выходовъ, пріемовъ и производствъ въ чины много разъ упоминаетъ (подъ именемъ *πορφύρεϊ ἀμφέλιον, πορφύρεϊς λίθοις*) объ этихъ порфіровыхъ круглыхъ камняхъ въ полахъ разнаго рода залъ и площадокъ большого Константинопольскаго дворца ⁴⁾. Въ

1895; болѣе подробныя съ перечнемъ сохранившихся отъ христіанской древности мозаическихъ половъ у Kraus—а въ Real—Encyclopädie sub voce Mosaik, В. II ss. 419—424; см. его-же Geschichte d. christlich. Kunst, В. I ss. 400—403. Извѣст. Русск. Археол. Инст. въ Констант. VIII, выш. 1—2, ст. проф. Павловскаго: Мадеба. Софія, 1902 г.

¹⁾ Говоря о дѣйствіяхъ римскаго первосвященника въ поименованной базиликѣ, Августинъ Патридій въ одномъ мѣстѣ своего Ceremoniale замѣчаетъ: *progressus usque ad secundum circulum porphyreticum*. Эти порфіровыя круги носили у Римлянъ разныя имена: *billici, umbilici, rotæ*. Послѣднимъ терминомъ—*Rota* называлось знаменитое судилище въ Римѣ, въ помостѣ котораго также находились эти круглыя плиты изъ порфіроваго камня. Reiskii Commentarii ad Constant. Porph. De Cerimoniis, p. 606—607, vol. II. Edit. Bonnae 1830. *Джуканжа* Glossar. Latinit. подъ слов. *billieus, rota*.

²⁾ Kraus, Geschichte d. christlich. Kunst, s. 319, fig. 253, В. I.

³⁾ Рейске въ Commentar. p. 607. См. внутренніе виды усыпальницы Галлы Платиди и капеллы Петра Хризолога въ Мозаикахъ Равеннскихъ церквей *Рѣдина*. СПб. 1896.

⁴⁾ *Бъляевъ*, Обзоръ главн. частей Большаго дворца визант. царей, стрр. 18. 35. 57. 59. 119. 131. 132; II. 32 (Byzantina).

Юстиниановой Софїи предъ святыми дверьми олтаря въ помостъ изъ черныхъ и бѣлыхъ мраморовъ Прокопнуса и Босфора былъ вдѣланъ пурпуровый кругъ, на который становились цари, творя трехкратный поклонъ съ зажженною свѣчей въ рукѣ передъ входомъ въ святилище. Подобнымъ же камнемъ, есть основаніе думать, было отмѣчено и то мѣсто въ храмѣ сзади амвона, съ котораго они въ званіи депютовъ по большимъ праздникамъ и въ день своего вѣнчанія открывали малый и великій входы съ лампадою въ рукѣ ¹⁾. Θεодоръ, епископъ Андидскій, говоритъ еще о находеніи въ полу той же *великой* церкви расположенныхъ въ небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, какъ бы рядами, узкихъ и черныхъ мраморныхъ полосъ, называвшихся рѣсками, источниками (*ποταμοί*) ²⁾ или по своему виду или же отъ естественнаго волнообразнаго направленія въ камнѣ прожилинъ. Онѣ шли параллельно солеѣ, отъ южной стѣны храма къ сѣверной, и обозначали въ помостѣ мѣсто, на которомъ священнослужачіе, направлявшіеся, напримѣръ въ день новолѣтія, изъ олтаря съ литаніей на площадь, должны были дѣлать первую остановку; для другихъ, а именно

¹⁾ Constant. Porphyrogen. De cerimoni. aulae Byzantinae, vol. I pp. 15—16. 64—65. 133 и друг. Edit. Bonn.

²⁾ Эти набранныя изъ мрамора полосы въ помостѣ св. Софїи разумѣль вѣроятно и Анонимъ въ описаніи послѣдней, когда говорилъ между прочимъ объ Юстиніанѣ, ея строителѣ: *τὰς τέσσαρας φείας τοῦ καοῦ ἀνόμασε τοῖς τέσσαρας ποταμοῖς, ἐξέρχομένους ἐκ τοῦ παραδείσου, καὶ ἔδωκεν ῥόμον, ἵνα κατὰ τὰς ἀμυγτίας ἵστασθαι ἐν αὐτοῖς ἕνα ἕκαστον ἀφορίζομένουσ.* Дюканжъ подъ *φείας* склоненъ былъ видѣть нарѣики или внѣшніе портики Софійскаго храма, въ которыхъ стояли кающіеся. Но третій разрядъ кающихся, такъ называемые *припадающіе*, стояли внутри самаго храма, *позади амвона*, вмѣстѣ съ оглашенными, не говоря уже о *купностоящихъ* съ вѣрными. А какъ разъ въ этомъ мѣстѣ и находился одинъ изъ *потаміоновъ*. „По возгласъ же исходить (изъ олтаря) пръвѣе діаконъ имѣя кадильницу, таче крестъ носяи и иподьяконъ съ евангеліемъ, и по сихъ архиерѣй, недержимъ ни отъ кого, поющимъ: *Вся твари сдѣтелею*. И дошедшимъ *третьяго потаміона* (по другому списку: и приспѣввшимъ *третьяго знамени, закона, ниже амвона*) станета архіерѣй, евангеліе имѣя одесную, крестъ же ошую и кадило. Възгласъ архідиаконъ: *Благослови Владыко...*“ Прав. Соб. 1884 г., ч. 1 стр. 390; см. *Миня* Patrol. t. 140, ser. graec., col. 436. Дюканжа Glossar. graecit., s. v. *φείαι*. Правила Соборовъ: Никейск. 1-го 11-е, Трулл. 57, Авкирск. 4, 5, 6, 8, 9, 16, 17, 18, 20, 21 и 22 съ ихъ толкованіями. *Красносельцева* Н. Θ., Къ Истор. правосл. богослужен. стр. 35 и 55.

извѣстныхъ степеней кающихся и оглашенныхъ, онѣ служили, предполагаемъ, границами или предѣлами, далѣе которыхъ имъ, какъ неполноправнымъ членамъ церковнаго собранія, не позволено было переступить ¹⁾).

Широко распространенный затѣмъ по греческимъ церквямъ обычай украшать цвѣтною плитой или мозаической фигурой средину церковнаго пола тѣмъ или инымъ путемъ, на примѣръ, чрезъ Корсунь, могъ проникнуть и къ намъ на Русь. Полы въ открытыхъ раскопкахъ покойнаго графа Уварова, Косцюшки-Валюжинича и др. базиликахъ, крестообразныхъ и круглыхъ храмахъ Херсонеса украшены посрединѣ то богатымъ мозаическимъ узоромъ, то одноцвѣтною круглою или квадратною мраморною плитой ²⁾. Полъ Владимировой Десятинной церкви, нашего перваго по времени каменнаго храма, снабженнаго взятою изъ Корсуни богослужебною утварью, искусно высланный въ олтарѣ изъ мраморныхъ и красно-шиферныхъ плитокъ, въ своей предолтарной части имѣлъ также разноцвѣтный *мозаическій* кругъ, вставленный теперь предъ престоломъ въ новой церкви, какъ драгоценный остатокъ отъ старой ³⁾. Были мозаическіе полы или по крайней мѣрѣ въ срединѣ ихъ большія красно-шиферныя круглыя плиты и въ другихъ не столь монументальныхъ, какъ Десятинная, древне-русскихъ каменныхъ храмахъ, на примѣръ, Успенскомъ Переяславскомъ ⁴⁾. Памятники нашей богослужебной письменности до сравнительно недавняго времени хранили память о разсматриваемой подробности нашего стариннаго храмоваго устройства. Въ чи-

¹⁾ „*Солеса*, по объясненію восточныхъ литургистовъ экзегетовъ (Писаній, относящ. къ истолк. богосл., т. I стр. 269), *изображаетъ огненную рѣку, отдѣляющую грѣшниковъ отъ праведниковъ*“. Солеею въ видѣ узкаго и длиннаго подвышеннаго помоста въ древности нагляднѣе и строже, чѣмъ теперь, находившіеся въ олтарѣ, означавшемъ *небо, рай*, отдѣлялись отъ стоявшихъ въ средней части храма, среди которыхъ были *кающіеся грѣшники*. Такими же чертами раздѣла были отчасти по своему назначенію и *потапіоны*, отграничивавшіе вѣрныхъ съ купностоящими отъ оглашенныхъ съ кающимися и разные классы среди этихъ послѣднихъ.

²⁾ Извѣстія XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, стр. 55. Харьковъ 1902; *Кондаковъ Н.* и графъ *Толстой*, Русск. древност. вып. V стр. 1. 22—23. Филол. Обзоръ. т. XV, стр. 59.

³⁾ *Фундуклей*, Обзоръніе Кіева, стр. 28—29. 1847 г.

⁴⁾ *Лашкаревъ*, Церковно-археологич. очерки, стр. 226—227. Кіевъ 1893.

нахъ поставленіи даже конца XVI вѣка предписывалось, напримѣръ, новорукоположенному инодіакону, при произнесеніи святителемъ словъ: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа и Побѣдную пѣснь*, отложивъ рукою, становиться *посреди церкви на кругъ и пѣть: Елико втрѣни* ¹⁾. Не называя этого круга по имени, наши старые соборные Чиновники: Новгородскій, Холмогорскій и Нижегородскій, равно какъ и другіе документы XVII вѣка хорошо однакоже знаютъ вполне определенное пространство, такъ называемую „*мѣру среди церкви*“ между амвономъ съ одной стороны и облачальнымъ архіерейскимъ мѣстомъ съ другой ²⁾. Какъ устроилась эта мѣра въ нашихъ храмахъ XVI—XVII столѣтій, отмѣчалась ли по прежнему она только иноцѣтнымъ кругомъ въ помостѣ, такимъ или инымъ возвышеніемъ ³⁾ въ немъ, или просто рядомъ столбиковъ съ перильцами, какъ мѣсто от-

¹⁾ *Невостружева и Горскаго А. В.* Опис. Синод. рукопи. III, 1 № 367 стр. 102—103.

²⁾ Чиновникъ Новгор. Соф. соб., см. въ указат. къ нему. стр. 265. М. 1899. Чиновникъ Холмогорск. Преображ. соб. стр. 208, ср. 48, 64, 192. М. 1903. Чиновн. Нижегород. Спасскаго соб. въ Сборникѣ статей, сообщеній, описей и документовъ Нижегород. Архивн. Коммисіи, т. II, вып. 15, стр. 137. Сборникъ на 1873 г., изд. Обществомъ древне-русьск. искусства, ст. Д. В. *Разумовскаго*: Государевы пѣвчіе дьяки, стр. 167 прим. 2.

³⁾ На подобіе византийскаго *πούλλιον*, suggestus, быть можетъ. Въ византийскомъ сложномъ оμφали, состоявшемъ иногда, какъ свидѣлствуютъ храмы Аѳонскіе, изъ нѣсколькихъ круговъ, различались *части* (*ἰστίμεινος πρὸς τὸ δεύτερον μέρος τοῦ ομφαλίου*). Было ли что-либо подобное въ нашей „*мѣрѣ* среди церкви“,—самое названіе ея ничего не говоритъ. Терминъ *мѣра* встарину, какъ и теперь, употреблялся для обозначенія разнаго рода измѣреній. Наши предки говорили: „въ той мѣрѣ новыя церкви“... „истинное изображеніе и мѣра иконы“ такой-то. „мѣра всемошная, мѣрная чаша вина или напитка, мѣрникъ“. Въ одномъ изъ столбцовъ семейнаго архива Б. А. Нейдгардъ, въ письмѣ нѣкоего Мишки Долгорукова къ князю Михаилу Алегукевичу, намъ встрѣтилось: „Изволь, государь, итти вперед, не помѣшавъ, и з гетманомъ сойтитца поскорее и помыслить о государскомъ дѣлѣ а, положи о всемъ на *мѣре*, итти х Киеву: изволь поспѣшить к гетману к слученію“... Въ предисловіи къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича (л. 63 об.) говорится, что онъ вызывалъ въ Москву изъ городовъ и посадовъ „добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы его государеву царьственное и земское дѣло стѣми со всеми выборными людьми утвердити и на *мѣре* поставити“.. и самое Уложеніе выслушать. Не отъ нашей ли *средицерковной мѣры* взять образъ выраженія въ приведенныхъ выдержкахъ изъ памятниковъ?

мѣренное, отведенное для извѣстныхъ богослужебныхъ отправленій,—за неимѣніемъ данныхъ не беремса судить; одно пока несомѣнно для насъ, что мѣра, какъ и кругъ среди церкви, по своему положенію и назначенію вполнѣ соответствовала омфалію древнѣйшихъ христіанскихъ церквей.

Помѣщаясь въ центрѣ пола, омфалій при своемъ необычномъ, большею частію пурпуровомъ цвѣтѣ и обычно круглой формѣ, естественно являлся главною, доминирующей фигурой въ цѣломъ его убранствѣ и имѣлъ прежде всего орнаментально-художественное значеніе. Но въ дѣйствительности послѣднее нерѣдко отступало на второй планъ и какъ бы даже совсѣмъ приносилось въ жертву его практическому назначенію: омфалій устроился иногда не въ самой срединѣ храмоваго помоста и не въ единственномъ числѣ. Назначеніемъ омфаліевъ всякаго рода было служить мѣстомъ остановокъ того или другого лица для совершенія такихъ или иныхъ дѣйствій. Устройствомъ въ помостъ не одного цвѣтного круга, а двухъ, трехъ и болѣе по одной и той же линіи, напримѣръ: въ притворѣ, самомъ храмѣ, на солеѣ его и предъ св. престоломъ, отмѣчалось кромѣ того и направленіе пути лица иль цѣлой процессіи. Не касаясь омфаліевъ въ трибуналахъ и дворцахъ, скажемъ нѣсколько словъ о значеніи мраморныхъ, порфировыхъ и т. п. плитъ въ богослужебной практикѣ церквей восточныхъ. На омфаліи, среди церкви (*εις τὸν ὀμφαλὸν ἤρουν ἐν τῷ μέσῳ τῆς καί*) передъ началомъ вечерни ставилась свѣща, съ которою діаконь, а въ старое время параекклесіархъ—предходилъ кадившему священнику; на немъ послѣдній останавливался для начертанія кадиломъ креста во время предначинательнаго сей службы кажденія; здѣсь на аналогіи полагались евангеліе, крестъ, иконы, мощи святыхъ для лобызанія ихъ молящимися. На немъ діаконь иногда произносилъ ектеніи, канонархи сказывали стихи, а domestikъ съ избранными пѣвцами по великимъ праздникамъ, напримѣръ, въ день Воздвиженія, исполнялъ тропарь подобно тому, какъ наши старыя подіаки, перемѣняясь своими станицами, на мѣрѣ среди церкви пѣли дневную иль праздничную стихиры. На омфаліи становились священнослужашіе во время входовъ на вечерни и литургіи; сюда исходили они для благословенія хлѣбовъ во время полчелая и совершенія торжествен-

ныхъ обрядовъ, какъ-то: паннихидъ, молебновъ, омовенія ногъ въ великіи четвергъ и нѣкоторыхъ таинствъ: крещенія и брака ¹⁾. Постригавшіеся въ монашество и посвящаемые во діакона и пресвитера, направляясь—первые изъ притвора, вторые отъ жертвенника чрезъ средину храма ко св. престолу, приостанавливались въ западныхъ вратахъ, предъ амвономъ и св. дверьми на омфаліяхъ, чтобы сотворить уставныя метанія ²⁾. Встарину, въ XVI—XVII вѣкахъ, вступали ли наши іерархи въ храмъ, выходили ли изъ него, на „мѣрѣ среди церкви“ непременно полагался орелъ, какъ тогда говорили, на которомъ они творили обычное начало или послѣдній поклонъ ³⁾.

Постилаемые епископу у насъ теперь очень часто за службой, по крайности чаще, чѣмъ того требуетъ Чиновникъ ⁴⁾,

¹⁾ Типикона гл. 2, л. 2 об. Москва, 1896 г., *Свищерь* въ Thesaur. ecclesiast. и *Джонанжъ* въ Glossar. graecitat. подъ словомъ *ομφαλός*; *Красносельцевъ* Н. Θ., Матеріалы для истор. литургіи, I 23. 24. 26. 52. 56—57. 68. 76. 88; *Мансветовъ* И. Д., Церковн. уставъ, стр. 199—200. 426. 430. Е. Е. *Голубинскій*, Ист. Русск. Церкви, т. I пол. 2, стр. 205; *Дмитріевскій* А., Совр. богосл. на прав. возг. вып. I стр. 103; его-же: Богослуженіе страсти. и пасх. седмиць, стр. 346.

²⁾ Morini De sacris ordinationibus, pars. II, pp. 88. 90. 91.—92 и др.; *Дмитріевскаго* А. А. *Евѣхологія*, ст. 220. 258—259. 279—280. 385 и др.; *Гвара Евѣхолоу*. pp. 284. 292. 470. 475.

³⁾ См. изданныя нами Чиновники Новг. и Холмогорск. собб., по указат. къ нимъ, подъ слов. *орлецъ*.

⁴⁾ Печатный Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія, въ основу котораго легла *Ἐπιτηδεῖα τῆς Θείας Λειτουργίας, писаніемъ преданная* Русскимъ Констант. патр. Аванасіемъ Пателаріемъ въ 1653 году, въ бытность его на Москвѣ, только дважды на всемъ своемъ протяженіи упоминаетъ объ орлецѣ: „*Приходя же (архіерей) становѣтъ предъ святыми дверьми олтаря у амвона на орлецѣ*“ (См. начало литургіи Злат. и Преждеосв. по Чиновн. архіер. лл. 4, 103. М. 1897). Наши соборные Чиновники, особенно позднѣйшіе по времени, и святительскіе старые служебники XVI—XVII вв., говорятъ о болѣе частомъ *покладаніи* орла или орлеца подъ ноги архіерею, но и ихъ опередила современная на этотъ счетъ практика. Служебникъ XVI в., по которому „*слави Бога пресв. митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Іона*“, предписываетъ становиться на орлѣ, полагавшемся „на святительскомъ мѣствѣ“, среди храма, предъ литургіей во время облаченія; въ царскихъ дверяхъ во время осѣненія свѣцею на церковь и благословенія народа со словами: *Спаси, Боже, люди твоя* и, наконецъ, на архіерейскомъ „степені“ по литургіи, предъ конечнымъ „поученіемъ“ и исхожденіемъ изъ храма (Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 680 лл. 11. 51 об. 76. 80).

орлецы вовсе *неупотребительны* при обычномъ архіерейскомъ служеніи на востокъ ¹⁾, какъ отчасти и въ земляхъ славянскихъ, но нельзя сказать, чтобы въ качествѣ украшенія или символическаго знака орлы меньше, чѣмъ у насъ, были извѣстны и желательны восточнымъ владыкамъ. Изображеніями ихъ, по словамъ путешественниковъ, украшены порталы нѣкоторыхъ каедральныхъ греческихъ и славянскихъ храмовъ и очень многія изъ ихъ утварей, задки и боковыя стѣнки архіерейскихъ олтарныхъ каедръ и внѣ-олтарныхъ троновъ, митры и гробницы константинопольскихъ патріарховъ и, что въ данномъ случаѣ для насъ особенно важно, орлы красуются тамъ иногда по срединѣ мозаическаго и даже мраморнаго церковнаго пола въ интересующихъ насъ омфаліяхъ ²⁾. Еще Григоровичъ-Барскій, описывая Христорождественскую соборную церковь въ монастырѣ Симопетра, замѣтилъ въ каменномъ помостѣ ея „пять мраморовъ изряднѣйшихъ, посредѣ храма крестообразно расположенныхъ. Отъ нихъ той, иже лежитъ посредѣ, имать изритаго орла двоеглавнаго, и верху главъ ихъ вѣнецъ; два же, си есть предный, иже къ царскимъ вратамъ, имать изрита васелиска, а задный имать изрита на себѣ сосудъ съ цвѣтами, побочніи же два имуть на себѣ изсѣченны лвы, держашіи въ предныхъ ногахъ риниды, и мушціи верху главъ вѣнцы“ ³⁾. Рѣзное или мозаическое изображеніе орла можно и теперь наблюдать въ омфаліяхъ многихъ греческихъ церквей ⁴⁾, напримѣръ, въ патріаршемъ храмѣ св. Георгія въ Константинополѣ, въ Троицкомъ на о. Халки въ богословскомъ

¹⁾ „*Орлецовъ подъ ногами*“, замѣтилъ еще въ половинѣ XVII в. старецъ *Арсеній Сухановъ*, ѣдившій на востокъ для изученія тамошней церковной обрядности, „*нѣтъ же ни у кого*; токмо на поставленіи бываетъ на листу написанъ орель, на немъ же новопоставленный епископъ четь исповѣданіе“ (Проскинитарій, стр. 250. СПб. 1889 г. Св. Павла Алеппскаго Путеш. Антиох. Патр. Макарія, въ переводѣ Муркоса, вып. II стр. 180). Тоже говорятъ и сами Греки, наприм. *Месолора* въ составленномъ имъ учебникѣ по Литургикѣ. *Ἐυχαιρίδιον*, 6. 41. Аѳины. 1895.

²⁾ Преосв. Порфирія Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри, ч. I стр. 63. 191. 211; ч. II стр. 77. 139. 146; его-же: Путешеств. въ Метеорск. монаст., стр. 42; архим. *Антонина*; Изъ Румелии, стр. 170. 574; *Дмитріевскаго* А. Современ. богослуж., стр. 92. 137.

³⁾ Странствованія по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 г., чч. III стр. 352, св. II стр. 28, изд. Прав. Палест. Общ.

⁴⁾ *Месолора*, *Ἐυχαιρίδιον*, с. 23.

училищъ, въ Аркадскомъ монастырѣ на о. Критѣ, а по мѣстамъ оно представляетъ, какъ передавали намъ лично сами греки—студенты, настолько неисключительное явленіе, что имя омфаліевъ имъ совсѣмъ неизвѣстно, а называютъ нынѣ ихъ словомъ *ἀετός*, орелъ. Объяснять находженіе орла въ омфаліяхъ *всѣхъ* греческихъ церквей построеніемъ или посѣщеніемъ послѣднихъ византійскими императорами значило бы наперекоръ исторіи связывать съ царями храмы, которыхъ ктиторами и посѣтителями они не были и быть по времени не могли ¹⁾. Мнѣ представляется, что исполненный мозаикою или рѣзцомъ по камню орелъ въ цвѣтномъ кругѣ—омфаліи позднѣйшихъ греческихъ храмовъ по своему происхожденію то же, что нашъ круглый архіерейскій коврикъ съ орломъ, какъ нельзя лучше отвѣчавшій деревяннымъ поламъ не блиставшихъ мраморами и мозаикою нашихъ старинныхъ храмовъ.

Но какимъ образомъ орелъ—символь верховной свѣтской власти и вмѣстѣ государственная эмблема Византіи—могъ появиться въ числѣ архіерейскихъ инсигній на подножномъ коврѣ или въ омфаліи церковнаго пола? Орлы, украшавшіе императорскій тронъ, нашивавшіеся или набивавшіеся на тканяхъ для царскаго гардероба, на разныхъ частяхъ ихъ домашняго и выходнаго наряда, на царскомъ сидѣніи и подушкахъ, *коврикихъ и обуви* ²⁾, въ XIII—XIV вѣкахъ принад-

¹⁾ Месолора, констатируя фактъ находженія во многихъ греческихъ храмахъ, въ срединѣ помоста ихъ, *мраморной плиты съ изображеніемъ двухглаваго орла, знака византійскихъ самодержцевъ*, объясняетъ его тѣмъ, что здѣсь будто бы помѣщался нѣкогда тронъ послѣднихъ. Объясненіе ошибочное. Только во время коронаванія своего императоръ находился среди церкви, при чемъ помазаніе его мвромъ, чтобы быть видимымъ народу, совершалось на амвонѣ. Codini De officiis cap. XVІІ.

²⁾ Сухановъ, описывая большую церковь въ монастырѣ св. Саввы Освещеннаго, построенную Іоанномъ Кантакузеномъ, говоритъ (Проскипит. стр. 196), что „образъ ктитора написанъ въ церкви на западной стѣнѣ и съ женою въ царскомъ платьѣ и въ вѣнцахъ; на подножіяхъ написаны орлы двоглавыя“. О царской обуви особаго рода съ вышитыми на ней камнями и жемчугомъ орлами говоритъ Козинъ (De officiis cap. V, § 10, p. 31. Воннае 1839). Обычай украшать предметы царскаго обихода орлами изъ Византіи перешелъ на Русь и получилъ еще болѣе широкое примѣненіе у насъ. *Забѣлимъ И. Е.*, О металл. производствѣ въ Россіи въ Записк. Имп. Археол. Общ. т. V, стрр. 52. 64. 73 — 75. 80. 83. 86. 95. 104. 106.

лежали къ числу несомнѣнныхъ отличій церемоніальныхъ одеждъ высшихъ сановниковъ имперіи. У деспотовъ и севастократоровъ—этихъ первыхъ лицъ послѣ царя маленькіе орлы составляли, по Козину, довольно видное украшеніе въ костюмѣ и между прочимъ жемчугомъ или пурпуромъ вышивались на ихъ обуви ¹⁾. Еще Михаилъ Палеологъ, ставши императоромъ, одному изъ севастократоровъ въ награду за заслуги и въ видѣ почетнаго отличія отъ другого „предоставилъ право носить золотые орлы на лазоревыхъ сапогахъ“ ²⁾. Патріархи и митрополиты, епископы и архимандриты, какъ и прочіе высшіе члены клира, разсматривались въ Византіи не только какъ церковно-іерархическія лица, но и обще-государственные чины. Восточные патріархи и прежде всего вселенскій Константинопольскій, къ которому даже при своемъ вѣнчаніи на царство императоръ обращался не иначе, какъ къ всесвятѣйшему владыкѣ своему (*τῷ πικροτάτῳ μου δεσπότῳ*) ³⁾, и при пріемахъ во дворцѣ, и, такъ сказать, по рангу, и отчасти въ одеждахъ своихъ приравнялись къ деспотамъ ⁴⁾. Къ нимъ, какъ *духовнымъ деспотамъ*, въ числѣ другихъ принадлежностей царскаго костюма, вмѣстѣ со всѣми этими сабкосами, табліонами на мантияхъ, диканикіями и скиадіями могли легко перейти путемъ царскаго пожалованія и орлы въ качествѣ почетнаго украшения на обуви ли то или подножномъ коврикѣ. Любопытное, хотя и позднѣйшее, на этотъ счетъ указаніе находимъ въ извѣстномъ Проскинитаріи нашего Арсенія Суханова. Онъ передаетъ, что Антиохійскій патріархъ, облачаясь предъ обѣдней, перемѣнялъ обувь и надѣвалъ кундуры—„башмаки, на нихъ же по червчатому отласу вышиты золотомъ орлы двоеглавыя“, поясняетъ Арсеній. „А александрійской нынѣшній (патріархъ) учинилъ, смотря на антиохійскаго, а въ прежнихъ того не было чина, а антиохійскаго, сказываютъ, издавна тотъ чинъ имать“ ⁵⁾. И нѣтъ основаній не довѣрять этимъ словамъ

¹⁾ Codini De officiis. cap. III. p. 13—16, cap. II p. 6—7.

²⁾ Никифора Григоры Римск. Истор. кн. IV гл. 1; русск. перев. т. I стр. 75. СПб. 1862.

³⁾ Codini De officiis c. XVII p. 87; см. с. III p. 16—17, с. V p. 34.

⁴⁾ Ibidem, cap. XIX: О производствѣ патріарховъ и архіепископовъ, особенно стр. 102—103.

⁵⁾ Проскинит. стр. 254; см. рукоп. Моск. Синод. библ. № 698 л. 69, по Опис. Невостр. и Горск. № 369. Полагая на ноги кундуры (*χάδουροι*),

наблюдательнаго старца Арсенія, особенно въ виду извѣстія въ хроникахъ Скилицы и Глики о томъ, какъ еще въ XI столѣтіи недовольные Константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ винили его за то, что онъ надѣвалъ *красныя туфли* ¹⁾, обувь императорскую, говоря, что это—принадлежность древняго архіерейства, которою Константинопольскому патріарху прилично пользоваться, такъ какъ достоинство архіерея нисколько не ниже достоинства царя, а въ предметахъ высшихъ даже преимуществуетъ. Можетъ быть, это обвиненіе было и несправедливо ²⁾, но нельзя отрицать совѣмъ у Керуларія и ему подобныхъ лицъ, любившихъ окружать себя при служеніи пышностью и роскошью, понятнаго стремленія возвыситься и отличить патріаршій санъ знаками царскаго достоинства ³⁾. Право украсить орлецомъ одну изъ принадлежностей служебнаго облаченія, дарованное императоромъ сначала вѣроятно въ видѣ награды или личнаго преимущества кому-либо изъ патріарховъ, могло перейти со временемъ, особенно съ паденіемъ Константинополя, когда обязанности и прерогативы царя православнаго естественно переносились сознаниемъ Грековъ

Александрійскій патріархъ говорилъ: „*Яко красныя ноги благовѣствующаго мнрѣ, благовѣствующаго блага, а Антиохійскій: Се дахъ вамъ власть наступать на змію и скорпію и на всю силу вражію, и ничесоже васъ вредить... А у Ерусалимскаго кундуры во облаченіи не премѣняютъ, но въ которыхъ придетъ, въ тѣхъ и служатъ: сказываютъ, издавна такъ*“.

¹⁾ *Ἐπέλαβετο κοκκοβαφῆ περιβαλεῖν πέδιλα* (Ioh. Curogal. Scyl., p. 643: ск. Gluc. 601. Editt. Воннае). Обувь царская въ Обрядникѣ обозначается епитетами *κόκκοβαφῆ* и *κόκκινα* (De serimonn. lib. 1 cap. 96, p. 434. Fdit. Воннае; св. *Никиты Хоніата* Истор., русск. пер. т. 2 стрр. 28, 109 и 307, 358; *Никифоры Григоры* Истор., русск. пер. стр. 67). *Красный* или *багряный* цвѣтъ не только отличалъ императорскую обувь, но и вообще предпочитался византійскими самодержцами при отдѣлкѣ дворца, начиная съ *пурпуровой* комнаты, въ которой рождались и отъ которой назывались *порфиородными*, при устройствѣ и убранствѣ троновъ, украшеніи костюма и утварей; даже подписывались они киноварными чернилами (*Анны Комниной* Сокращ. сказан. о дѣлахъ ц. Алексѣя Комнина, русск. пер. ч. 1 стр. 318).

²⁾ Скабалановичъ, Визант. госуд. и церковь въ XI в., стр. 386—387.

³⁾ По поводу стремленія нѣкоторыхъ восточныхъ іерарховъ отличить себя отъ мірянъ и въ отношеніи обуви невольно вспоминается исторія съ пацскими туфлями, украшавшимися изстарѣ знакомъ креста. Kraus, Real-Encyclop. s. v. Schuhe. Вальсамова толков. на 28 прав. Халкид. соб., по изд. Общ. люб. дух. просв. ч. 1 стр. 249.

на высшихъ вообще представителей церковной власти, и къ нѣкоторымъ другимъ іерархамъ, какъ перешли ко всѣмъ епископамъ отъ патріарховъ и избранныхъ митрополитовъ полиставріи и саккосы, предносныя лампады и тому подобное. Московскій соборъ 1675 г., подробно разсуждавшій объ облачебныхъ преимуществахъ русскихъ архіереевъ, по воспоминанію о „предѣлахъ, яже положиша отцы“, продолжалъ видѣть въ коврѣ не столько принадлежность общеархіерейскаго служенія, сколько почетное отличіе, которымъ пользоваться въ присутствіи служащаго патріарха позволялъ онъ только митрополитамъ Новгородскому и Казанскому 1).

Переходъ орловъ съ обуви, а тѣмъ болѣе съ подножныхъ ковриковъ на омфалій въ средину церковнаго пола уже не представлялъ изъ себя чего-либо невозможнаго или безпримѣрнаго. Дѣло въ томъ, что съ очень ранняго времени, частію по подражанію классической древности, частію, быть можетъ, изъ противодѣйствія ея ученію о священныхъ омфалосахъ 2), ея манерѣ набирать въ помостѣ сюжеты не всегда

1) *Амеросія* Истор. Россійск. іерархіи, ч. I стр. 332, 336; Чиновн. Новгор. Соф. соб. стр. 185.

2) *Ἐμφαλός*, umbilicus, собственно значить *пупъ*, вообще средина, центръ. Этимъ именемъ обозначалась выпуклость на срединѣ щита. Представляя землю на подобіе послѣдняго, дискообразною, древніе убѣждены были, что и у нея есть своего рода пупъ. Въ одной изъ затерянныхъ пѣсней Пиндара разсказывалось, что Зевсъ, желая опредѣлить мѣстонахожденіе его, выпускалъ двухъ орловъ—одного къ западу, другого къ востоку—и они встрѣтились въ Дельфахъ, которыя и признаны были срединою земли. Въ Дельфійскомъ храмѣ пупъ земной былъ означенъ, по словамъ Павзанія, бѣло-мраморнымъ камнемъ, подлѣ котораго до Фокидской войны стояли золотыя изображенія орловъ. Честь быть средоточіемъ земнымъ оспаривали у Дельфъ Сицилія, Пелопоннесъ, гора Ликаонъ, острова Критъ и Кипръ, Мизійскій городъ Паріонъ, Кизикъ. Въ каждомъ изъ названныхъ мѣстъ указывались пункты, по большей части святилища, съ *омфалосами*, выбивались монеты съ ихъ изображеніями; но лучшими людьми: Платономъ, Страбономъ, Плутархомъ и др. за средину земли признавались Дельфы (подробнѣе см. Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie, III sect., 3 th. ss. 391—393, s. v. omphalos). Сказаніе объ известномъ Іерусалимскомъ пупѣ земли, передаваемое весьма многими средневѣковыми латинскими, греческими и нашими древне-русскими, начиная съ игумена Давіида, цаломвиками, возникло не безъ вліянія вышеизложенныхъ вѣрованій древнихъ, а можетъ быть и въ противовѣсъ имъ. По *Разказу и путешествію по св. мѣстамъ* Давіида, митроп. Ефесскаго XV в., средина земли въ срединѣ знаменитаго Іерусалимскаго храма

пристойнаго содержанія, вошло въ обычаи и между христианами не довольствоваться при устроении мозаическихъ половъ въ церквахъ простымъ геометрическимъ узоромъ, въ видѣ квадрата, ромба, круга, но заполнять и оживлять, по крайней мѣрѣ, главныя мѣста или поля въ нихъ разнаго рода изображеніями изъ мифологіи, царствъ растительнаго и животнаго, изъ области географіи и астрономіи, наконецъ церковно-библейскими символами. По срединѣ мозаическаго пола названной уже нами катакомбы св. Елены среди кружковъ и четырехъ равноконечныхъ крестовъ изъ плетениі изображенъ голубъ съ оливковою вѣткой—символомъ мира, мира загробнаго. Въ помостѣ соборной крещальни въ Діѣ, въ Испаніи, въ соотвѣтствіе съ назначеніемъ зданія и вѣроятно по аналогіи съ райскими рѣками изображены четыре источника съ плавающими въ нихъ рыбами и птицами на водяныхъ растеніяхъ—вѣроятно образомъ вѣрующихъ, возрожденныхъ св. крещеніемъ и вкушающихъ его спасительныхъ плодовъ ¹⁾). Замѣчательная мозаика пола въ небольшой церкви великомуч. Христофора въ Сурѣ (Kabr-Nigam)—древнемъ Тирѣ въ Финикіи, среди сплетающихся вѣтвей и богатой листвы, въ 95 медальонахъ изображаетъ звѣрей (льва, медвѣдя, пантеру, лисицу съ пѣтухомъ, слона, лошадь, оленя и т. д.), птицъ, рыбъ, сцены охоты и дѣтскихъ игръ, эмблемы мѣсяцевъ, четырехъ временъ года и столько же вѣтровъ, а въ центрѣ средняго корабля крестъ съ надписью вокругъ его о томъ, что такимъ чуднымъ ковромъ украсилъ храмъ „архіерей и хорепископъ Георгіи“ ²⁾.

*показана посредствомъ низкого пупа, изъсѣченнаго изъ мрамора (οὐτος ἐν τῷ μέρει αὐτοῦ τὸ μέρος δεικνύσι τῆς γῆς δι' ομφαλοῦ τινος ὑψηλοῦ ἐκ μαρμάρου: Прав. Пал. Сборн. вып. VIII стр. 11 и 40). Отличаясь по самому своему устройству отъ обычнаго среди-церковнаго круга другихъ греческихъ храмовъ, Іерусалимскій земной пупъ своимъ видомъ выпуклымъ напоминалъ древне-греческій оμφалосъ. Въ оправданіе мнѣнія, по которому въ Іерусалимѣ — центръ земли, ссылались обычно на слова Псалма (LXXII, 12): *Богъ же царь нашихъ прежде вѣка содѣла спасеніе посредѣ земли и слѣдующее мѣсто изъ прор. Іезекіиля (V, 5): Сія глаголетъ Адонаі Господь: сей Іерусалимъ посредѣ языковъ положихъ его и страны, яже окрестъ его.**

¹⁾ Kraus, Real—Encyclopädie s. v. Mosaik, B. II s. 424. Въ базиликѣ св. Репарата въ Орлеанвиллѣ въ Алжирѣ мозаическій полъ найденъ съ исполненною въ немъ надписью: Sancta ecclesia и Marinus sacerdos.

²⁾ Schultze, Archäologie d. Altchristl. Kunst, s. 200—201.

Если не ошибаемся, весьма близка къ описанной по содержанию и общей композиціи прекрасная также мозаика пола въ открытомъ въ прошломъ году при раскопкахъ въ Херсонесѣ древнемъ *крестообразномъ* храмѣ. Въ завиткахъ поднимающихся изъ вазы и стелющихся по помосту вѣтвей она представляетъ птицъ: орла, голубя, утку и проч., рыбъ, цвѣты, плоды и четырехконечные крестики. Въ помостѣ одной изъ древнѣйшихъ тоже Херсонскихъ базиликъ среди кружковъ съ небольшими сѣроватыми птицами, предполагаютъ песарками, былъ найденъ довольно большой овалъ съ изображеніемъ павлина съ распущеннымъ надъ головою хвостомъ ¹⁾. Въ Византіи повидимому былъ особенно распространенъ обычай красками писать или на половомъ мраморѣ вырѣзывать крестъ, если Трулльскій соборъ отлученіемъ, а гражданская власть тягчайшимъ наказаніемъ вынуждены были угрожать тѣмъ, которые впредь будутъ на полахъ церквей и вообще на землѣ начертывать крестъ, „дабы знаменіе нашей побѣды не было оскорбляемо попираніемъ ходящихъ“ ²⁾. Ничто не мѣшало, стало быть, а наоборотъ все способствовало вслѣдъ за этими излюбленными сюжетами древне-христіанскаго искусства появиться на *подножномъ служебномъ коврѣ или среди храма на помостѣ* и орлу въ качествѣ своего рода центральной фигуры съ тѣмъ или другимъ внутреннимъ значеніемъ. И ояъ дѣйствительно явился въ указанныхъ мѣстахъ и едва ли не впервые при архіерейскомъ поставленіи въ довольно сложномъ, оригинальномъ и содержательномъ сочетаніи.

Избранный во епископа предъ своимъ посвященіемъ, какъ извѣстно, произноситъ теперь исповѣданіе вѣры, стоя въ церкви или назначенномъ для того домѣ на большомъ коврѣ съ изображеніемъ города и надъ нимъ орла. Въ XIV—XVII вѣкахъ въ Греціи и у насъ ³⁾ послѣдняго рисовали красками

¹⁾ Извѣстія XII археол. съѣзда въ Харьковѣ, стр. 55. *Кондакова Русскія древности*, вып. IV стр. 22—23 и особенно рис. 1.

²⁾ Правило 73, въ русск. перев., въ изд. Общ. любит. дух. просвѣщ., стр. 515—516; см. архим. *Иоанна* Курсъ церк. законовѣд., вып. 2, стр. 468, прим. 432.

³⁾ *Дюканжъ*, Glossar, graecit. s. v. *ἀετός*, coll. 30, 31, и Index auctorum: Demetr. Gemista, col. 26; см. Haberti *Ἀρχιερατικόν*, p. 1—2, Дмитріевскаго А. А. *Егъголубца*, с. 298—299.

или мѣломъ на хартіи или прямо на полу въ церковномъ притворѣ, при западныхъ (=царскихъ) вратахъ храма или чаще посрединѣ его, между амвономъ и нарочито устроеннымъ трехступеннымъ возвышеніемъ съ каедрой для рукополагавшаго. „Насреди, ко амвону, на помостѣ церковнѣмъ, написуеуть, кто умѣтель, орла единоглавна, крила имѣя простерты, права стояща на ногахъ; подъ ногами же его градъ написати и съ заборы и столпы, орлу же крѣпко ногами наступившу на столпѣхъ оныхъ, и тако стрегуть не ступити никому же нань“¹⁾. На востокѣ встарину ниже города чертили еще какъ бы три рѣки, означавшія, по Симоону Солунскому, даръ учительства, къ которому призывался поставляемый. Легко видѣть, что на всемъ этомъ изображеніи уже лежитъ глубокий слѣдъ символизирующей дѣятельности христіанскаго сознанія на почвѣ библейскихъ представленій²⁾, какъ нельзя, мнѣ кажется, совсѣмъ отвер-

¹⁾ Русск. Ист. Библ. т. VI, ст. 449; Акт. Археогр. Эксп. т. I, № 375, стр. 469.

²⁾ Въ Библіи и въ писаніяхъ отцовъ церкви орелъ—эта сильная, высокопарящая и гвѣздящаяся птица, могущая смотрѣть прямо на солнце, ежегодно оперяющаяся и какъ-бы обновляющаяся — верѣдко употребляется въ качествѣ символа для обозначенія разнообразныхъ лицъ и понятій (Иезек. I, 10, XVII, 3 и слѣд.; Иерем. IV, 13; Иова IX, 26; Авд. I, 4. Псал. СП, 5 и др.). И на памятникахъ древне-христіанскаго искусства ова встрѣчается въ разныхъ значеніяхъ: то въ качествѣ символа еванг. Іоанна, то для выраженія вѣры въ будущее воскресеніе и надежды на возрожденіе водами крещенія (Kraus, Real-Encyklop. s. v. Adler; Martigny, Dictionn. s. v. Aigle; Cloquet, Elements d'Iconographie, p. 303—306). Считаясь царемъ птицъ, орелъ выдѣляется изъ ряда ихъ еще особенною любовію къ птенцамъ своимъ: не только ограждаетъ ихъ отъ враговъ въ гвѣздъ своими распростертыми крыльями, но беретъ на послѣднія своихъ дѣтенышей и улетаетъ вмѣстѣ съ ними въ минуту опасности. Сказаніе объ этомъ, распространенное въ древности, было извѣстно ветхозавѣтнымъ писателямъ, и прор. Моисей изъ него заимствовалъ образъ для выраженія любви Іеговы къ избранному Израилю, когда говорилъ къ послѣднему именовъ Божіимъ при Синаѣ: „Вы видѣли, что Я сдѣлалъ Египтянамъ, и какъ *Я носилъ васъ какъ-бы на орлиныхъ крыльяхъ* и прицѣсь васъ къ себѣ“ (Исх. XIX, 4) и еще, послѣ сорокалѣтняго странствованія по пустыня: „Какъ орелъ вызываетъ гвѣздо свое, носится надъ птенцами своими, *распростираетъ крылья свои, беретъ ихъ и носитъ ихъ на перьяхъ своихъ*: такъ Господь одинъ водилъ его, и не было съ Нимъ чужаго бога“ (Второзак. XXXII, 11—12). У прор. Іезекіиля *орелъ великокрылый* упоминается въ связи съ *градомъ огражден-*

гать и той мысли, что подъ символической оболочкой могло быть скрыто въ свое время историческое содержаніе. Нельзя категорически отрицать возможности замѣны подъ вліяніемъ церковной символики двухглаваго византійскаго орла въ картинѣ одноглавымъ, царскаго вѣнца надъ головами сіяніемъ вокругъ одной изъ нихъ; даже источники — *ποταμοί*, бывшіе въ помостѣ великой церкви, чрезъ которые нужно было проходить посвящаемымъ, могли повториться въ ней. Объясняя городъ на орлецѣ въ смыслѣ паствы поставляемаго и орла съ сіяніемъ въ значеніи свѣта для нея отъ возвышенной проповѣди послѣдняго, толкователи схоластики склонны придавать символическое значеніе самымъ переходеніямъ рукополагаемаго епископа, при исповѣданіи вѣры, съ хвоста орла на его средину, со средины на главу. Древнѣйшіе чины епископской хиротоніи, предписывавшіе изведенному изъ олтаря посвящаемому творить поклонъ посвящавшему на одной изъ рѣкъ (*κατὰ ποταμὸν προκυνεῖν*); надъ городомъ, предъ лицомъ паствы свидѣтельствовать свое исповѣданіе и съ возгласомъ архидіакона: *Ποβελίτε* (*хелѣбате*), позднѣе: *Вонмемъ*, направляться по орлу къ предстоятелю и, получивъ отъ него благословеніе на новое званіе, съ поклономъ цѣловать у него колѣно, десницу и правую ланиту, при многолѣтствованіи со стороны псалтовъ ¹⁾, невольно переносятъ мысль нашу въ византійскій дворецъ, въ которомъ лица, производившіеся императоромъ въ придворные чины и должности, на примѣръ: куропалата, магистра или же только представлявшіеся ему или одному изъ сановниковъ его, должны были проходить съ извѣстными поклонами черезъ три порфировыхъ ступени трона

мысль (XVII, 3—10). Лицо, создававшее или, лучше сказать, по-церковному осмысливавшее картину, прежде рисовавшуюся на полу, а теперь изображаемую на коврѣ, могло воспользоваться отмѣченными выше мѣстами свящ. Писанія и всей вообще библейской символикой орла, какъ позднѣе Симеонъ Солунскій, изъясняя тотъ-же сюжетъ примѣнительно къ случаю, пользовался только частію ея — изображеніемъ орла при Іоаннѣ Богословѣ.

¹⁾ Дмитриевскій, *Εἰχολόγια*, σ. 299; Nabert *Ἀρχιερατικ.* p. 26—28; Morini, *De sacris ordinat.* p. II pag. 97. 98. 100 189—190; см. Дюканжа *Gloss. graecit. s. v. ἑτερός*, pag. 30—31; Гор, *Εἰχολογ.* p. 305. 306. 308. 310—311. P. H. B. VI. 451. 455—456.

или таковыя же омфалии въ полу ¹⁾). Пролывая фактическій свѣтъ на одну изъ подробностей въ обстановкѣ архіерейской присяги, византійскій Обрядникъ въ нѣкоторой степени подкрѣпляетъ высказанныя нами догадки и соображенія объ отношеніи архіерейскаго орлеца, на которомъ совершается послѣдняя, къ древне-византійскому омфалию и нашей древне-русской мѣрѣ среди церкви.

Какъ хорошо и легко было-бы строителямъ нашихъ теперешнихъ храмовъ, начавшихъ все чаще и чаще украшаться на подобіе древнихъ дорогими лиеостротонами и мозаикой, воскресить въ нихъ древне-христіанскій омфалій, нашу старинную „мѣру среди церкви“. Съ возстановленіемъ ея уменьшилось бы, думается намъ, смятеніе, каждый разъ вызываемое за богослуженіемъ постиланіемъ разнаго рода ковровъ и обычныхъ ковриковъ. Народъ не будетъ становиться въ уставные моменты службы на эту священную мѣру, какъ не становится онъ на амвонъ и облачальный архіерейскій рундукъ. Еще лучше, если бы всѣ архипастыри наши, становясь на орла, нѣкогда „*право и крѣпко наступаваго ногами на столы града*“, не оставляли порой съ быстротою его духовныхъ паствъ своихъ, но съ силою и мужествомъ этой царственной птицы евангельскимъ словомъ и своимъ высокимъ примѣромъ устремляли въ міръ горній полетъ птенцовъ своихъ. Подъ конецъ нелегкаго пути каждому изъ нихъ будетъ отрадно сказать тогда о себѣ словами ветхозавѣтнаго вождя, говорившаго именемъ Іеговы возлюбленному своему народу, въ виду земли обѣтованной, послѣ тяжелыхъ странствованій по пустынямъ: „*Яко орелъ покры гнѣздо свое, и на птенцы своя возжелъ: простеръ криль свои, и пріялъ ихъ, и подъятъ ихъ на раму свою* (Второз. V, 11; сн. Исх. XIX, 4).

А. Голубцовъ.

---

¹⁾ Constant. Porphyrog. De cerimonn. lib. I capp. 45—46, pag. 229—250, 232—233, 235; Бѣляева Byzantina, I стр. 57; II стр. 31—32.